

День второй

В противоположность некоторым другим пореволюционным течениям мы никогда не говорили о «достижениях» большевиков. Напротив, нам всегда казалось противоречивым само сочетание этих понятий, если вскрыть их настоящую сущность. С самого начала мы проводили ту концепцию противопоставления негативной и конструктивной стадии революции, по которой марксисты-большевики лишь **могильщики старого мира**, но не создатели нового мира.

В первом номере в декларативной статье у нас говорилось: «большевизм теперь, как движение, есть уже отработанный пар. Он держится еще лишь в силу исторической инерции и средствами внешней охраны. Свою **негативную миссию разрушения старого мира**, изобличения старой неправды он выполнил; для положительной же, конструктивной революции — создания **Нового Мира**, творчества новой, высшей правды он не годится **по самой своей природе**, приспособленной, чтоб разрушить, изобличить, отвергнуть, преодолеть... Современная негативная стадия революции — лишь конец, катастрофическое отрицание старого мира, но начало нового мира откроет конструктивная стадия революции. Первая — совокупность, всех отрицаний, историческое заявление о том, **чего не должно быть**, вторая совокупность положительных утверждений, историческое осуществление того, что должно быть».

Мы всегда противопоставляли себя в качестве революционеров-конструктивистов большевикам-марксистам, как революционерам-негативистам, историей не призванным строить, а только разрушать. Это наше центральное положение о негативной природе марксистского большевизма вскрылось со всей ясностью теперь, когда сам большевизм, проделав опыт строительных усилий, обнаружил всю свою несостоятельность в качестве конструктивной силы. «Пятилетка» провалилась и не могла не провалиться. Как говорилось прежде «рожденный ползать, — летать не может». — Призванный разрушать не может строить. Не те установки, не тот дух, не та психология — во всем разрушительная, — во всем отрицательная, ненавистническая. Когда то Зомбарт ужасался, как мало любви (т.е. именно творческой стихии) и как невероятно много ненависти явила в себе большевистская революция, следовательно, той стихии, которая способна разрушать, но не строить. И марксизм — эта доктрина большевизма — может быть с полным основанием определен, как доктрина социальной ненависти. Притом далеко не только в своей теории классовой борьбы. Весь дух его таков, негативны все соотношения его идей. Марксизм это прежде всего критика, критика капиталистического общества и тех направлений мысли, которые его представляли. Подзаголовок «Капитала», главного труда Маркса, так и обозначен. Построением образа нового строя, предвосхищением его форм и движущих сил

Маркс и вообще марксизм почти не интересовался. В этом самая слабая его часть. Тот же Зомбарт, отчаявшись в возможности дать положительное определение марксизму-социализму, определил его отрицательным образом, как анти-капитализм.

Вот точно также невозможно дать положительное определение марксистскому большевизму и следует его определять не только исторически, но идеологически и психологически, как анти-капитализм. В этом смысле большевизм, как и его доктрина — марксизм весь обращен к прошлому, с той разницей, что он не утверждает его, а отрицает. И в качестве такового он — явление не из будущего, а из прошлого. Этот факт лишь подчеркивается архаизмом составных элементов его идеологии: материализма, позитивизма и т. п., давно заброшенных передовой человеческой мыслью. Если то обстоятельство, что теперь появился целый ряд попыток построения доктрины т. н. «конструктивного социализма» (у нас В. Чернов) лишь подчеркивает не-конструктивный характер традиционного марксистского социализма, то с другой стороны, издевательское отношение большевиков ко всем этим попыткам указывает на то, что они остаются безнадежно глухими к самой постановке такой проблемы.

Весь дух большевизма насквозь нигилистический, негативный. Этому соответствует вся его последовательно материалистическая идеология. Ибо идея материализма — негативная идея. Потому же мы, революционеры-конструктивисты, в качестве своей основоположной идеи, утверждаем идеализм, — конечно, идеализм не реакционный, а революционный. Эту негативную природу большевизма подтверждает сейчас опыт «строительства». Даже ничего не создавая, а лишь пытаясь строить, он в действительности только разрушает. Стремясь строить «новые города», он разрушил деревню, силясь воздвигнуть якобы гигантскую промышленность, он разрушил сельское хозяйство. И так во всем. «Строя», он только разрушает. И замечательно, что всегда, поразительно удачливый в первом, он безнадежно неудачлив во втором. От успешного разрушения стоимиллионной русской деревни весь мир ахнул, а от обратной стороны — положительных результатов коллективизации кажется не в восторге сама большевистская печать, на лжи все свое искусство построившая.

Квалифицируя большевистскую революцию, как негативную стадию Революции, мы всегда мыслили начало пореволюционной эпохи, пореволюционной в отношении этой негативной стадии революции, как логический момент, когда от разрушения исторически обреченных форм жизни, революция перейдет к саморазрушению и к разрушению всего, на чем она держалась. Теперь этот момент наступил. Разрушив все, деструктивная революционная энергия, не имея больше предмета разрушения вне себя, обращается в саморазрушение. И в этом рок этой стадии революции. В этом ее внутренняя обреченность. Сталин, уничтоживший — морально и физически — старую большевистскую гвардию, осуществил не дело личной карьеры, а роковое историческое дело. Он — злой гений революции, но этот гений она сама, в его лице против самой себя обратившаяся. И он, глава всему, действительно сконцентрировавший в себе всю революцию, есть глава змеи, пожирающей свой собственный хвост. Может быть это только инстинкт самосохранения революционной стихии побуждает ее находить все новых и новых врагов, «вредителей», всяческие заговоры — внутренние и внешние — чтоб найти внешний объект негативным революционным энергиям и отвлечь их от внутреннего деструктивного превращения. Вся разница Сталина в том, что, владея могучим и всеохватывающим аппаратом, он выдерживает течение этих деструктивных процессов в упорядоченной и органи-

зованной видимости. Не будь Сталина, — освобожденные гигантские деструктивные энергии закипели бы стихийным и открытым взаимоничтожением.

Такова неотвратимая диалектика негативной революции, приводящая ее от отрицания к самоотрицанию.

Мы не знаем, будут ли деструктивные энергии этой стадии революции непосредственно, путем, например, короткого предварительного переворота переключены в стадию Конструктивной Революции или история сперва даст более или менее значительный задний ход, но для нас очевидно, что после разрушения старого, от которого истину не осталось камня на камне, по самой элементарной логике вещей ничего не остается, как строить новое. Реставрация старого в истории в таких случаях еще более трудна, чем строительство нового. И так как строительство возможно только в условиях развязанных, освобожденных творческих энергий — не может строить страна, превращенная в тюрьму и каторгу, — то поэтому всеобщей предпосылкой к началу Конструктивной Революции должно явиться **Освобождение**. В этом одном слове, но в котором, как в фокусе, сходится вся проблематика сегодняшнего положения России и заключена вся наша программа-минимум.

П. Смирнов.

К идее научного государства

В качестве исходного, основного положения надо прежде всего формулировать переходный, критический, катастрофический характер нашей эпохи. Такая эпоха по самому существу своему является двусторонней, двуликой, двуобращенной. Она, с одной стороны, обращенной к прошлому, носит черты разложения, упадка, смерти, с другой — обращенной к будущему — черты зарождений, исканий, творчества. В этом двуликом, переходном характере современной эпохи коренятся и два противоположно-основных типа людей, характерных для нашего времени: упадочно-скептический тип культурно-исторических сумерок и тип людей живущих зарей новой наступающей эпохи. — Было бы исторически противоестественным, если бы эта смена эпох исторического развития не сказалась на формах организации этого развития, на формах государственности. Таким образом, является не только исторически своевременным, но и политически актуальной постановка — теоретическая и практическая — проблемы нового государства. И много бы значила уже одна такая постановка этой проблемы до всякого и независимо от всякого ее решения. Но и попытки предвосхитить хотя бы самые элементарные контуры форм «государства будущего» и вполне законны, и не неосуществимы. Для этого надо уловить **стиль** новой наступающей эпохи. Однако это уже проблема идеологическая и мы отсылаем к соответственным нашим статьям, из которых для нас очевидным образом вытекают два основных определения будущего государства: его инициативный, демиургический, **конструктивный** характер, с одной стороны и всеобъемлю-